

СОДЕРЖАНИЕ

Геннадий Смолин

ТАЙНА ГОСТИНИЦЫ «АНГЛЕТЕР», или МЕМОРАНДУМ СЫЩИКА ХЛЫСТАЛОВА

От автора	9
Вместо пролога	11
Увертюра	14
Часть первая	
Экспресс «Сапсан». Питер. Гостиница «Англетер»	16
Константиново есенинское	28
Танцующая Айседора	49
Заговор. Действие развивается	51
Аргументация	57
Разведка боем	60
Театр абсурда. Так был ли Есенин убит?	67
Часть вторая	
Cui bono? Игра профессионалов	
в проекте «Англетер»	128
Уничтожение следов	142
«Дело Есенина»	161
В Питер! В Питер! И поскорее!..	166
Волшебная сила искусства	180
«Черный человек» — alter ego Есенина	198
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» — элегия-миф	207
Часть третья	
Вести из Абсурдистана, или Все о гибели поэта	216
Мышеловка, или Поцелуй иуды	223
Эпилог	242
Лестница, ведущая в небо	243
Документы, факты и мнения экспертов	246

Приложения

Лев Троцкий. Памяти Сергея Есенина	272
Вольф Эрлих. Четыре дня	276
Основные даты жизни и творчества С. А. Есенина	282

Зинаида Агеева

ПАТОГРАФИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Предисловие	291
Родительский дом	293
В семье деда	296
Школьные годы	300
Училище в Спас-Клепиках	303
Поиск жизненного пути	310
Признание таланта	320
Служба в армии	333
Женитьба	340
На рубеже эпох	346
Имажинизм	351
Слава и одаренность	357
Айседора Дункан	365
Заграничное турне	371
Возвращение на Родину	382
В родном селе	389
Скитания	394
Патриотизм	399
Особенности личности	403
Расстройство личности и пристрастие	409
Новая семья	415
Бегство из Москвы	423
Уход из жизни	429
Погребение	434
Версии о гибели	440
Судьба родных и близких	456
Заключение	460

Геннадий Смолин

**ТАЙНА ГОСТИНИЦЫ «АНГЛЕТЕР»,
или МЕМОРАНДУМ СЫЩИКА ХЛЫСТАЛОВА**

ОТ АВТОРА

Многие события жизни Сергея Есенина, описанные в книге, вступают в противоречие с распространенными (и даже общепринятыми) версиями его биографии. Однако автор считает, что он вправе изложить собственную точку зрения на жизнь и гибель одного из любимых в России великих национальных поэтов.

Сергей Есенин

Если читателю покажется, что описанные в книге события не могли иметь места, то это его право. Если же читатель примет изложенную в книге версию, автор будет рад приветствовать в нем своего единомышленника.

Сергей Есенин не уехал на постоянное место жительства ни в США, ни в Европу, куда пыталась зазвать его любимая им женщина, Айседора Дункан. Он выбрал для себя Россию, СССР, родину, без которой не мыслил своей жизни, своего творчества.

Но в новой России чуждые народу политиканы поставили новую идеологию превыше привычных норм и жизненного уклада, искореняли все то, что так или иначе было связано с рухнувшей Российской империей, боролись не на жизнь, а на смерть с яркими носителями идеалов великой русской поэзии и литературы. Отсюда такая жесткость и непримиримость к представителям «вчерашнего» прошлого и идеологически «неправильного» настоящего.

Яркий волшебный свет творческой личности Сергея Есенина резал номенклатурным адептам новой жизни глаза, заставляя их сомневаться в своем собственном величии, избранности и непогрешимости.

* * *

Выражаю благодарность полковнику МВД Э. А. Хлысталову, который первым из есениноведов неожиданно и громко заявил тему «Убийство поэта Есенина»; исследователю, писателю Виктору Кузнецову, продолжившему разрабатывать эту тему; а также академику РАН Александру Портнову за консультацию и помощь в аналитическом расследовании «Дела Есенина».

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Множество тайн и загадок гибели великого русского поэта Сергея Александровича Есенина и сегодня побуждает исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех стародавних лет в надежде, хотя и призрачной, докопаться до истины.

Автором собран и обработан богатейший, в том числе архивный материал, заново открывший или существенно уточнивший важные вехи трагической биографии Есенина.

Тут и акты, и протоколы и прочие документы о расследовании «самоубийства» поэта, и новое видение событий девяностолетней давности; воспоминания о Есенине его друзей и врагов, а также донесения о нем агентов ОГПУ; письма самого Есенина, новое прочтение его поэм «Страна негодяев», «Черный человек»; знаковые поэмы «Анна Снегина» и «Пугачев».

Особое внимание уделено новому изучению документов, связанных с гибелью поэта, без которого невозможно понять и принять фантастическую фигуру поэта Есенина; судьбу его «предсмертного» стихотворения-элегии «До свиданья, друг мой, до свиданья!..». Приведено и письмо Л. Троцкого «Памяти Сергея Есенина», которое прежде не публиковалось, а было зачитано во МХАТе 18 января 1926 года артистом Качаловым на вечере памяти поэта.

В книге представлены документы, выводы экспертов, рассказы о Есенине его современников, отрывки из мемуаров, дневников, письма его друзей и врагов, а также доносы, докладные записки агентов ОГПУ-НКВД и другие неизвестные прежде эксклюзивные материалы, позволяющие нам по-новому взглянуть на жизнь и творчество Сергея Есенина.

Некоторые скептики уже выражали свои сомнения относительно правдоподобности выбранного преступником

или преступной группой способа устранения С. А. Есенина — убийства. Разумеется, это был суицид, мотивированный психическим состоянием поэта, его безысходной загнанностью в угол. Дирижерам этого кровавого спектакля нужно было заставить добропорядочных граждан поверить в самоубийство поэта, который добровольно залез в петлю, пытаясь таким образом разрешить все свои проблемы.

Чего в действительности опасались те, кто устранял Есенина? Свои последние произведения — поэмы «Черный человек» и «Страна негодяев» — поэт посвятил тому постреволюционному кошмару, который восторжествовал в двадцатые годы XX века. Есенин перестал бы быть Есениным, утратил бы свою независимость и право закончить ту же «Страну негодяев». Для Сергея Александровича не имело значения, понравилось ли произведение тогдашним кремлевским вождям или нет. Дело в другом: создав поэмы «Страна негодяев» и «Черный человек», Есенин ясно дал понять властям предрежающим, что не собирается «перестраиваться», скажем, как писатель Алексей Николаевич Толстой, который тонко чувствовал конъюнктуру момента, или же как сервильный литератор Илья Эренбург.

Агентура ОГПУ работала тогда мобильно, масштабно и на высоком уровне. Кроме того, «коллективный Сальери» жил-был и здравствовал в СССР. Нашлось достаточное число высокопоставленных лиц, разглядевших в таких поэтических произведениях Есенина, как «Страна негодяев» и «Черный человек», контрреволюционные послы, безусловно, опасные выступления против существующего режима. Если уж мнение друзей создавало у них впечатление чего-то истинно неповторимого и единственного в своем роде (а Есенин был убежден в этом), то можно себе представить мнение иерархов Кремля и мощного аппарата дозора (ОГПУ-НКВД).

Эта борьба разворачивалась на конкретном политическом фоне с жесткими идеологическими послы, который не могли не учитывать ни «коллективный Сальери», ни идеологическая инквизиция высших иерархов партии.

Борьба за власть на всех фронтах в то время была на повестке дня. И в связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что руководители ОГПУ, напрямую занимаясь тайными организациями тамплиеров и антропософов в кругах творческой интеллигенции, были одними из первых, кто, преследуя широким фронтом инакомыслие, увидел в поэмах «Черный человек», «Страна негодяев», «Пугачев» не только острую сатиру на существующий режим, но и неприятие навязываемых ценностей.

УВЕРТЮРА

*Adagio maestro*¹

— ...Так кто ж ты наконец?

— Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...

(...Ein Teil von jener Kraft,

Die stets das Böse will und stets das Gute schafft...)

И. В. Гете. «Фауст»

Заранее предупреждаю, что изложенное ниже находится за гранью человеческого понимания. Хотя с неискушенной точки зрения это невыдуманная история жизни и смерти великого русского поэта Сергея Есенина. Многочисленные документы и рукописи оказались в моих руках не случайно (теперь я прекрасно понимаю это!), достались в качестве презента, если, конечно, это можно назвать презентом. Передал мне все это богатство Эдуард Александрович Хлысталов, следовательно с легендарной Петровки, 38, полковник МВД. Он оказался человеком, чья отвага и решительность потрясли меня. Помочь ему я не смог, смог лишь полюбить за мудрость, профессионализм и непримиримость к несправедливости. Как духовного отца, как человека, не способного поступиться своими принципами. Но все по порядку...

Нынче я осведомлен обо всем этом гораздо больше или даже, скажем так, чересчур хорошо. Я понял, что тех смельчаков, которые осмеливались говорить правду, слишком уж часто подстерегала смерть. Но стоит ли жить иначе, как простейшие микроорганизмы, как растения?

За почти столетнюю историю, которую поведали мне пожелтевшие странички документов и писем, они были опалены огнем души множества людей. Огненный смерч

¹ Медленно и величаво (*ит.*).

вовлек этих смельчаков в бешеный вихрь, которому не было сил противиться.

По наитию я зримо чувствовал: пришел мой черед. Я последний из той когорты людей, кого бушующее пламя подхватило и закужило в неудержимом сатанинском танце, чтобы затем увлечь в бездну.

Вывод напрашивался сам собой: я обязан предать гласности то небольшое, что мы знаем, или нам кажется, что знаем, о великом русском поэте Сергее Александровиче Есенине. Ради чего? Ответ прост: я надеюсь, что сумею — пусть даже на мгновение — прервать безумную пляску огненного смерча, затеянную Сатаной и его свитой, и тем самым лишить его миссию злой колдовской силы, чтобы испепеляющий огонь не успел поглотить и моих единомышленников заодно со мной. Задача не из легких, если учесть, что у тебя на глазах колдовские силы ангелов тьмы обольщают агнцев божьих и дразнят смерть, кружа ее в мучительном сладостном ритме сатанинского танца.

Преуспею ли я в своих расчетах — не ведаю, но рассчитываю на это, глубоко верую.

Есть одна вещь, которую я хотел бы прояснить, прежде чем вы перевернете страницу: я вовсе не по своей воле пустился в пляс на этом зловещем представлении и не осознанно, а в силу неких сакральных обстоятельств оказался причастным к этой истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Экспресс «Сапсан». Питер. Гостиница «Англетер»

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пистолетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И всё на спине. Меняется оружие!

М. А. Булгаков. Письма

Люблю Москву. До детского восторга, до страстной влюбленности юноши, идущего на свое первое свидание. Москва, Первопрестольная... Это насквозь русский город, как бы его ни старались переделать революционеры-большевики семнадцатого года или толстосумы эпохи 1990-х. Российская столица всегда возрождалась из пепла социальных перестроек, поблескивая гранями русскости, как загадочный град Китеж у Сергея Есенина.

Не лежит у меня душа к семейной идиллии, наверное, я вечный странник или нечаевский полуволок-полусобака¹. Короче говоря, я вынужден был признаться самому себе, что всего дороже мне личная свобода и одиночество. Заставьте меня выбирать между семейными узами — несвободой — и вольницей хиппи, и я, не раздумывая, шагну за дверь, чтобы жить и по-цыгански; а по сути — выражение «нон-стоп!» стало моим кредо. Особенно если перед этим вы принудите меня выслушать массу чепухи о том, как мне следует поступать «для моей же пользы».

¹ «Баллада о полуволке» — повесть В. Нечаева.

Это они, женщины, любят забивать себе голову всяким вздором, выуживая его из разнообразных дамских гламурных журналов. Да, в этом я убежден. Проверено лично мной. Я и сам строчил для таких же синьоров и синьорит подобные статейки. Хотя, надо сказать, этой чепухой я баловался так, между делом. Я ведь журналист (по крайней мере, был им до настоящего времени), который довольно долго сочинял научно-популярные статьи по медицине — про стрессы, влияние запахов и про то, что любовь приходит к нам... через нос благодаря обонянию, а также о загадках гепатогенных зон, шаровых молниях и НЛО, о проблемах Бермудского треугольника, тайнах Чернобыля для популярного московского журнала «Чудеса вокруг света».

Я переключился на этот спектр безобидных тем с того момента, когда осознал, что не может журналист заниматься политикой и выдавать при этом честные, открытые материалы. Потому что в политике ангажированность стопроцентная. Зато как репортер, специализирующийся на тайнах, загадках и мистификациях, я оказался вовсе не плохим публицистом. Что, кстати, и дало мне возможность колесить не только от Москвы до Санкт-Петербурга, но и совершать вояжи в ближнее и дальнее зарубежье.

В Питер я отправился по личной просьбе моего шефа, главного редактора научно-познавательного журнала. Цель командировки была рутинной: осветить работу научной конференции по проблемам стресса. Как-то утром шеф пригласил меня к себе в кабинет и заявил, что «с тех пор, как нашими читателями стали депутаты Госдумы и Федерального собрания, мы обязаны прилагать все усилия для того, чтобы помочь нашему журналу удержаться на плаву в бурном море коммерции». Страсть главного редактора к взаимоисключающим метафорам могла соперничать лишь с его любимыми разглагольствованиями на тему: «Чего изволите, наш дорогой читатель?». Шеф, посылая меня в Питер, надеялся, что я там раздобуду кое-какую сенсационную информацию на тему, интересующую

не только его самого, но и большинство наших читателей. Все это в итоге поднимет рейтинг журнала и облегчит жизнь нашему коллективу журналистов и технических работников.

Тогда, в середине 1980-х, в Москве времена уже становились смутными, каждый старался найти свою нишу, чтобы не погибнуть от голода и нищеты. Ну а я устроился в научно-популярный журнал и ушел с головой в написание статей и редактирование опусов авторов, где излагались различные туманные методики, связанные с НЛО и таинственным веществом с этих «объектов», которое излечивало человечество от всего: от злокачественных новообразований до психических недугов.

Со временем я наловчился стряпать журналистские «блюда» с завлекательными названиями: «СПИД — болезнь или надувательство, и как не стать его жертвой?», «Чем пахнет стресс», «Любовь приходит через... нос», приправляя тексты цветными иллюстрациями, которым позавидовали бы немецкие журналы «Фокус», «Штерн» или «Бильд».

Я взял себя в руки, памятуя о том, что был и остаюсь крепким мужчиной, и по старой профессиональной привычке приказал себе не вешать нос ни при каких обстоятельствах. Но некое дурное предчувствие, точно червь, точило не только мою душу, но и мое реальное нутро с жарко бьющимся сердцем.

Итак, когда я занялся научно-популярной тематикой, былые тучи над моей головой потихоньку рассеялись.

Но надо признать, что и такое на первый взгляд безобидное дело, как сочинение научно-популярных статей по медицине, имеет, так сказать, оборотную сторону медали. Любой ваш собеседник норовил выжать из вас самую новейшую информацию, еще не ставшую достоянием широкой публики. Как, например, избавиться от хандры или поскорее залечить ушибленный на корте локоть? Как остановить старение или понизить уровень холестерина в крови? И так далее, и тому подобное. Мой главный редактор не был исключением, так же как и читающая журнал